

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

РЕЦЕНЗИИ

DOI: S086919080004623-2-1

Для цитирования: Кузьмин С. Л. [Рец. на:] Sacred Mandates. Asian International Relations since Chinggis Khan (ed. by T. Brook, M. van Walt van Praag and M. Boltjes). Chicago and London: University of Chicago Press, 2018, 277 pp. *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 212–216. DOI: S086919080004623-2-1

For citation: Kuzmin S. L. [Review of:] Sacred Mandates. Asian International Relations since Chinggis Khan (ed. by T. Brook, M. van Walt van Praag and M. Boltjes). Chicago and London: University of Chicago Press, 2018, 277 pp. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 2. Pp. 212–216. DOI: S086919080004623-2-1

SACRED MANDATES. ASIAN INTERNATIONAL RELATIONS SINCE CHINGGIS KHAN (ED. BY T. BROOK, M. VAN WALT VAN PRAAG AND M. BOLTJES). Chicago and London: University of Chicago Press, 2018, 277 pp.¹

© 2019

С. Л. КУЗЬМИН

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

SCOPUS AUTHOR ID: 35473322900

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9544-1359>; ipe51@yahoo.com

Для верного понимания современных международных отношений в Азии весьма важно знать их исторические контексты. Это относится и к международному праву, которое, меняясь во времени, в ряде случаев вступает в конфликт с историческими нарративами народов, что повышает международную напряженность.

Рецензируемая книга рубрицирована по монографическому принципу, но фактически представляет собой сборник статей. Она посвящена анализу нескольких традиционных правовых систем Азии, влияющих на современные международные отношения. Авторы – признанные специалисты в своих областях науки, анализируют три такие системы: монгольскую, базирующуюся на установлениях Чингис-хана и его потомков; тибетскую, базирующуюся на буддизме; и китайскую, базирующуюся на конфуцианстве. Этот подход позволил авторам избежать распространенной тенденции проецировать современные отношения национальных государств на прошлое для интерпретации их истории.

Книга содержит введение, семь глав, комментарии, список литературы (около 450 названий), указатель и сведения об авторах. Отмечается, что данная книга стала результатом пяти «круглых столов» по природе политий и политических отношений во Внутренней и Восточной Азии с XIII по начало XX в., организованных М. ван Вальтом ван Праагом и М. Болтжис в 2010–2012 гг. Перечислены тематика и участники каждого из этих «круглых столов». Во «Введении» дается постановка проблемы, краткая характеристика содержания глав книги, сведения о тематике исследований ее авторов. Разноплановость их методологических подходов позволила избежать односторонности в трактовках и выводах.

¹ Священные мандаты. Азиатские международные отношения со времени Чингис-хана (редакторы Т. Брук, М. ван Вальт ван Прааг и М. Болтжис). Чикаго–Лондон: Университет Чикаго, 2018, 277 p.

Глава 1 «Три мира, три тела международного права» включает несколько разделов: «Прошлое в настоящем Азии», «Вне Китая», «Марко Поло и защита эмиссаров», «Международное право до “международного права”», «Суверенитет в Азии до нового времени», «Смирительная рубашка современного права наций».

Отмечается, что распространившаяся на страны Азии европейская система международных отношений, основанная на принципах Вестфальских соглашений XVII в., основана на постулате формального равенства государств. Однако принципы международных отношений в Азии, и в частности в Китае, были другими, что следует учитывать при анализе современных отношений государств региона. На основе сведений Марко Поло обсуждается система международных отношений монгольских ханов из рода Чингиса, а также понимание международного права в эпоху правления Чингисидов. Обсуждается концепция «китайского мирового порядка» Фэйрбэнка. Отмечается, что государство Цин можно рассматривать как сложно организованную маньчжурскую политику, которая реализовала власть разного уровня над другими политиями, некоторые из которых она считала включенными в свои границы, а другие – не включенными. С некоторыми политиями маньчжурские правители придерживались «китайской» схемы даннических отношений, власть над другими они осуществляли через правовые нормы Чингисидов, а в отношениях с другими черпали методы коммуникации, легитимации и связей из тибетского буддийского мира.

Автор подвергает справедливой критике тенденцию, при которой фокусом рассмотрения истории Внутренней и Восточной Азии являются монгольская, китайская (Мин) и маньчжурская (Цин) империи в качестве «китайских династий». Хотя это может рассматриваться просто как инструмент периодизации, на деле это создает некую «привилегию» лишь одной – китайской – мироустроительной системе, делая Китай «центром» региона, а остальные государства – «периферией». Политическое использование этой парадигмы проявляется в современных противоречиях между КНР и рядом соседей. Указывается, что применяемый в данной книге подход – признание сосуществования нескольких центров силы – власти, легитимности и права – позволяет лучше понять различия в мироустроительных системах, влияющие на политику. Обсуждаются исторические особенности адаптации современного международного права в ряде стран Азии.

Глава 2. «Правление Чингисидов и Великое Монгольское государство» включает следующие разделы: «Возникновение государства Чингисидов» (для этого раздела указан автор – Л. Мунх-Эрдэнэ), «Имперское распределение феодалов и устойчивость чингисидского права» (К. Мацуда), «Имперское подчинение политий и распространение в Тибет» (К. Мацуда), «Монгольское восприятие “Китая” и династии Юань» (Х. Ким), «Китайская легитимация монгольского режима и преемственность “объединения”». Приводятся краткие сведения о завоеваниях Чингис-хана и о способах передачи великоханской власти его потомками. Указывается, что Хубилай-хан, провозгласивший на китайский манер династию Юань, применял данный конструкт только к китайской части Монгольской империи и ее даннической системе, но не к империи в целом. Это различие часто упускается в китайской историографии, рассматривающей династию Юань как китайскую политическую формацию. Противоречия учебникам китайской истории, Хубилай-хан и его преемники в действительности не стали китайцами, а оставались монголами политически и культурно, а сама Монгольская империя оставалась вполне чингисидским проектом. Сами монголы осознавали различие между личным уделом великого хана и Монгольской империей в целом. Они рассматривали термин «Да Юань» как китайское выражение для монгольского термина «Их Монгол улс» (Великое Монгольское государство). Обсуждаются использование слова «Китай» в исторических трудах для данной империи и формы легитимации власти великого хана для китайцев.

Глава 3. «Отношения между политиями и данническая система Минского Китая» включает разделы: «Ритуалы и иерархия», «Данническая система и легитимность режима», «Власть и использование силы» (указан автор – Я. Ван), «Цивилизационная риторика и запутывание политики власти» (Дж. Вэйд), «Конвергенция и конфликт: Дай Вьет в китайском порядке» (Л. Келли), «Воспроизведение даннической системы». В этой главе рассматривается роль ритуалов и иерархии в формировании китайского политического мировоззрения, национальной идентичности и права. Эта роль согласовывалась с формированием синоцентристской системы и системы даннических отношений между политиями. Воспроизведение этой системы на протяжении столетий указывает на то, что она отвечала чаяниям правителей государств и государственных посланников с обеих сторон. Источники по империи Мин часто указывают, что ее императоры всячески избегали применения силы, а цивилизаторская миссия этих императоров описывается в терминах «трансформации» людей. Статус и обращение с конкретной политией как с «иностранной» или «пограничной» могли меняться в соответствии с политической выгодой. Представление об иерархической системе подчинения всех правителей китайскому императору, который, в свою очередь, почитает Небо, основывалось на конфуцианской морали и подчинении низшего высшему, в основе которой была патриархальная семья. Эта система, экстраполированная на весь мир, оказалась весьма устойчивой.

Глава 4. «Тибетский буддийский мир» содержит следующие разделы: «Симбиоз духовной и светской власти», «Правление путем взаимоотношений», «Монгольские паломничества и передача богатства в Тибет» (указан автор – Далиджаб), «Государствостроительство в Гималаях» (Дж. Ардусси), «Тибето-маньчжурские отношения», «Имперские директивы на языке чой-йон» (М. Капстейн). Глава посвящена системе легитимации, основанной на тибетском буддизме и роли тибетских иерархов в отношениях между политиями Внутренней и Восточной Азии. Отмечается, что основным источником для этой системы является идея, что эманации Будды принимают человеческую форму из сострадания, чтобы вести людей к просветлению, и что эти святые существа могут быть распознаны и помещены на позиции лидерства. Следует отметить, что такое определение не совсем точно: в данном случае речь идет не о Буддах, а о бодхисаттвах. Подробно проанализированы отношения «наставник–покровитель» между высшими ламами и мирскими правителями. Отмечается значительная религиозная и политическая власть Далай-ламы в мире тибетского буддизма, но политии вне Тибета не находились под его мирской властью, а управлялись собственными ханами, вождями или ламами. Однако этот мир имел общие религио-политические концепты, принципы и конструкции, которые в своей совокупности формировали нормативный правовой порядок, обеспечивавший оформление и осмысление властеотношений внутри политий и между ними. Обсуждается роль монгольских паломников в притоке материальных ценностей в Тибет в цинский период. Этот приток наряду с военной поддержкой со стороны монголов сыграл важную роль в возвышении Гэлуг, стимулировал религиозное и экономическое развитие Тибета. Обсуждаются тибето-бутанские и тибето-цинские отношения в XVII – начале XX в., в частности отношения «наставник–покровитель» (тиб. чой-йон).

Глава 5. «Великое Маньчжурское государство» содержит разделы: «Образование государства и легитимация» (указан автор – Н. Ди Космо): «Отношения с монголами», «Распространение контроля над монголами» (Х. Ота); «Связи с Тибетом», «Этикет и коммуникация властеотношений» (Н. Мураками); «Позиционирование маньчжуров в отношении китайского цивилизационного мира», «Гостевой ритуал и цинские международные отношения» (П. Кроссли). Обсуждаются формирование государства Цин и способы легитимации, применявшиеся маньчжурскими императорами. В период существования китайской империи Мин правители чжурчжэней (позже названных маньчжурами) должны были обеспечивать себе власть двумя способами: внутренним процессом приоб-

ретения политической власти на основе аристократической преемственности и личных качеств, а также внешним признанием со стороны Мин, откуда они получали особые титулы, делавшие их чиновниками в даннической системе. Это признание, в свою очередь, создавало обязательства лояльности и принесения дани династии Мин, но также давало экономические выгоды. Поэтому чжурчжэньские аристократические кланы в их отношениях с династией Мин были не совсем автономны. Кратко описывается история подчинения монголов маньчжурам. В цинский период источники легитимности императоров были разными для разных «миров», с которыми они были связаны: для монголов это были военные победы или альянсы с их ханами, покровительство тибетскому буддизму; для китайцев – «мандат Неба» и преемственность от династии Мин; для мира тибетского буддизма – роль императора как благодетеля и защитника Далай-ламы и тибетского буддизма. Империя Цин не имела единообразного управления или администрирования. Вместо этого маньчжурские императоры устанавливали и поддерживали особые отношения с правящими элитами каждого из «миров»: тибетского буддийского, монгольского и китайского. Прямое управление китайской частью империи было связано с тем, что это были отношения завоевателей и завоеванных. Интересен проведенный одним из ведущих маньчжуроведов, П. Кроссли, семантический анализ маньчжурского термина *du-limba-i gurun*, применявшегося в договорах для обозначения империи Цин и понимаемого обычно как «Срединное государство» (Китай) в том смысле, что сами маньчжуры стали считать империю Цин Китаем. Кроссли показала, что маньчжуры вкладывали в этот термин другой смысл: «Маньчжурский двор считал себя базирующимся в историческом Китае, который был центральным для его империи, но не империя как таковая была Китаем» (с. 149).

Глава 6. «Переходы к современной государственной системе» содержит разделы: «Новая парадигма международных отношений», «Поиск Японией места в новом мировом порядке» (указан автор – С. Судзуки); «Преобразования в Корее и лицемерие современного права» (К. Ларсен); «От мандалы к современности: крах имперского порядка» (А. Мак-Кей). В этой главе обсуждаются изменения в отношениях политий и государств Внутренней и Восточной Азии под влиянием европейцев. Во всех случаях эти отношения претерпели полную концептуальную и организационную трансформацию. Прежняя ситуация, когда та или иная полития считалась частью другой или иностранным государством, с точки зрения другого государства, стала меняться в том направлении, что больше не могло быть двусмысленного или промежуточного статуса. Правила менялись. Концепция национального государства, вокруг которой в XIX в. строилось международное право, определялась в терминах исключительного территориального суверенитета с жесткими границами. Это требовало совершенно другого понимания суверенитета. Однако на практике выход из старой правовой системы был не настолько полным, как это требовалось. Это же касается и вхождения в новую систему, которое оказало дестабилизирующее воздействие на рассматриваемый регион. Обсуждаются критерии вхождения в новую правовую систему, а также неравномерность и разноплановость данного процесса для разных стран. Описаны японский и корейский опыты этого с особым вниманием к отношениям этих стран с империей Цин и между собой. Обсуждаются изменения тибето-цинских отношений в результате британской экспансии. Отмечается, что британцы знали очень мало о мировоззрении тибетцев и концептуализации их отношений с маньчжурским императором в рамках модели «наставник–покровитель»; кроме того, они по-другому понимали границы.

Глава 7. «Присутствие прошлого» содержит следующие разделы: «Конфликты и развитие истории», «Великая реинтерпретация», «История в игре сегодня». Эта глава подводит итоги предыдущим. Показано, что крупные территориальные претензии КНР основаны не на современном международном праве, а на трактовке истории в рамках тра-

диционной синоцентристской концепции. Обсуждаются ситуации, когда произвольное отнесение своего народа к тому или иному государству, существовавшему на той же территории в далеком прошлом, создает потенциал для экспансии и конфликтов с соседями. Обсуждаются отношения правительства КНР с Далай-ламой XIV.

Книга написана на высоком научном уровне и будет весьма полезна специалистам по политологии, конфликтологии, востоковедению, а также тем, кто связан с формированием политики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЗЬМИН Сергей Львович – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Sergius L. KUZMIN – Dr.Sc. (History), Ph.D. (Biology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.